

Елена Руденко
(Минск)

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕРМИНАХ РАБОТЫ С ПРОСТРАНСТВОМ

W artykule *Metaforyzacja działalności informacyjnej w terminach pracy z przestrzenią* autorka bada fragment językowego obrazu świata (JOS) opisujący świadomość i „działalność kognitywną” (procesy myślenia, badania i pamięci). Świadomość przedstawiana jest w JOS jako ‘pojemnik’, który zawiera w sobie jeszcze jeden pojemnik — pamięć. Chociaż świadomość i pamięć zazwyczaj są utożsamiane autorka pokazuje, że nosiciele języka rosyjskiego rozróżniają je właśnie w ten sposób: świadomość wyobrażamy jako miejsce, w którym operuje się pewnymi jednostkami mentalnymi, zaś pamięć — jako miejsce, w którym one mogą być przechowywane. Opisana w ten sposób struktura świadomości odzwierciedlona w naiwnym JOS w ogólnym ujęciu koreluje z nauką wiedzą o niej. Inaczej jest z konceptosferą procesów i stanów kognitywnych, JOS o tych procesach zupełnie nie odpowiada ich współczesnym modelom naukowym. Modelowanie procesów kognitywnych człowieka odbywa się według „wzorca” komputerowego oraz na odwrót: wyobrażamy i opisujemy operacyjne procesy komputera według „wzorca” działalności kognitywnej człowieka, więc „przenosimy” na komputery wszystkie nasze językowe wyobrażenia na temat własnej świadomości. Zarówno system kognitywny człowieka, jak i informacyjna przestrzeń personalnego komputera przedstawione są w rosyjskim naiwnym językowym obrazie świata jako *pojemniki*, w których łączącymi ze światem zewnętrznym *kanalami* są w pierwszym wypadku organy zmysłów i mowa, w drugim zaś peryferia komputerowa (monitor, dyskowody, skaner, drukarka i inne). ‘Pojemnik’ komputera ma strukturę analogiczną do systemu kognitywnego człowieka, czyli *pamięć (vinchester)* i *mózg (procesor)*. Następnie autorka bada, jak modelowana jest w JOS sfera Internetu, która w odróżnieniu od kognitywnego systemu człowieka i przestrzeni informacyjnej peceta wyobrażana jest jako obiekt bardziej skomplikowany i metaforyzowany jest jako ‘kraj’ (*podróżując po obszarach Internetu*), ‘ocean’ (*zła nawigacja na sajcie*), czyli obszerna przestrzeń o skomplikowanej strukturze z wielką ilością różnych mini obiektów, lub przy pomocy metafory ‘drogi’.

Метафора, как окказиональная, художественная, так и языковая, „типичная”, давно является объектом исследования лингвистов. Изучение механизма метафоры, распространенных путей метафоризации проводятся языковедами с целью познания языка и — через него — концептуальной системы человека (вообще или как носителя отдельного языка). Когнитологами сформулировано понятие концептуальной метафоры (Lakoff, Johnson 1980). Концептуальная метафора понимается как установление связи между двумя разными фреймами на основании сходства некоторых их признаков. Метафоризация может осуществляться 1) путем начального вычленения некоторых сходных признаков с последующей генерацией в метафоризируемой области признаков, свойственных области-основанию (на дереве растет мох, на лице человека растет борода, мох похож на бороду \Rightarrow дерево обрастает бородой; при повреждении коры дерева появляются капли смолы, при повреждении кожи человека появляются капли крови, при нанесении морального ущерба человеку появляются капли слез \Rightarrow дерево плачет, дерево истекает кровью \Rightarrow дерево — человек). 2) Метафоризируемая область (как правило, речь идет о фрейме, организующем абстрактные понятия) полностью описывается в терминах другого фрейма (это фрейм более освоенной человеком области знания), т.е. изначально какое бы то ни было сходство концептуальных областей отсутствует, сходные признаки заимствованы у фрейма-основания и полностью приписаны метафоризируемой области в процессе ее генерации. Т.е. здесь метафора вызвана не изначально сходством сравниваемых областей, а свойством человеческого познания осваивать (= моделировать) новое через сравнение с уже известным, причем метафоризация осуществляется на базе наиболее важных, наиболее глубинных областей для биологического и социального существования человека, наиболее присущих его природе и культурному бытию (сознание — вместителище, мысли — физические объекты, познание — движение к цели \Rightarrow описание идеального, сферы сознания в терминах пространства). Для концептуальных метафор характерно то, что они продолжают действовать как модели развития метафоризируемого фрейма, т.е. они служат основанием для установления все новых частных концептуальных структур и связей на основании заданной модели метафоризации. В языке все сказанное выше проявляется в а) сходстве синтагматического окружения лексем, номинирующих концепты уподобляемых фреймов; б) возможности порождения бесконечного количества высказываний о метафоризируемой области знания, построенных на основании заданной модели метафоризации

[см. об этом также: Лещева 2000: 36–37; Кустова 2000: 85–90].

В русскоязычной лингвистике процессы метафоризации в целом и концептуальные метафоры в частности часто проводятся в русле исследований наивно-языковой картины мира. Термины „картина мира”, „модель мира”, а также „концептосфера”, впервые употребленный Д. С. Лихачевым [Лихачев 1993: 4–5], созданы для обозначения образа мира в сознании человека, его собственного внутреннего мира, который определяет все стороны его деятельности [Иванов, Топоров 1965; Лихачев 1993; *Роль* ... 1988; Цивьян 1990], однако сейчас чаще употребляются по отношению к коллективному сознанию носителей определенного естественного языка. Термин „концептосфера” употребляется также по отношению к отдельным фрагментам картины мира, например, „концептосфера мыслительных процессов”.

Мысль о принципиальной метафоричности концептосферы информационных процессов в современной лингвистике и когнитологии в целом является общепризнанной. Базисность пространственных представлений для формирования абстрактной концептосферы информационных процессов неоднократно обсуждалась представителями разных научных школ и направлений [Лакофф 1995, Martynov 1995 и мн. др.]. Интериоризованные информационные процессы, т.е. когнитивная деятельность, как частный случай информационной деятельности, и когнитивная система человека в целом также рассматриваются как сформированные метафорически преимущественно на основе первичного для человека фрейма „пространство”. Во-первых, эта метафоричность проявляется непосредственно в способах мотивации ряда переносных обозначений исследуемой семантической сферы (*вникнуть, схватить, разобраться* и мн. др.). Во-вторых, она отражается в способах семантико-синтаксической организации „когнитивных” обозначений, в частности глаголов. По словам Н. Д. Арутюновой, „они заимствуют синтаксические модели у предикатов других сфер, которые обозначают акциональные, посессивные, локальные и другие отношения” [Арутюнова 1976: 93], см., например, *узнать из газет* как *взять из шкафа*, синтагматические характеристики обозначений арифметических действий и под.

Изучению той или иной национальной картины мира или ее фрагментов посвящены многочисленные исследования, например, [Апресян 1995; Арутюнова 1987; Булыгина, Шмелев 1997; Галустян 1989; Маковский 1992; Топорова 1994; Яковлева 1994; D'Angade 1987] и др. Однако работы, касающиеся представления когниции и когнитивной деятельности человека в русской наивно-языковой картине мира, не столь

многочисленны. Наиболее полно разработан фрагмент ЯКМ, связанный с памятью и операциями с ней, см., например, [Дмитровская 1991; Кубрякова 1991; Туровский 1991] и др. Ниже — на основе семантического исследования русских глаголов, обозначающих когнитивные процессы, свойства и состояния — я попыталась суммировать наивно-языковые представления о когниции и когнитивной деятельности в целом.

Метафоричность подсистемы „когнитивная деятельность” в русской наивно-языковой картине мира связана с общими закономерностями категоризации. В современной когнитивной лингвистике существует несколько теорий категоризации, см., например, [Лакофф 1995; Jackendoff 1990] и др. В рамках концептуальной семантики Р. Джекендоффа принципиальное сходство таких концептуальных сфер, как „пространство”, „собственность”, „когниция” объясняется единой моделью концептообразования [Jackendoff 1990]. Дж. Лакофф, как и Р. Джекендофф, придерживается мысли, что категоризация любой концептуальной подсистемы осуществляется по одной из немногих типовых схем, но предлагает иной, чем Р. Джекендофф, механизм категоризации.

Если строить модель фрагмента „когнитивная деятельность” русской наивно-языковой картины мира в терминах категориальных схем Дж. Лакоффа [Лакофф 1995], то сознание представляется нам как контейнер. Что уже отмечалось исследователями [Кубрякова 1991: 88], как и то, что зачастую сознание отождествляется с памятью [Дмитровская 1991; Кубрякова 1991]. Не останавливаясь на концептосфере „память”, рассмотрим, какого рода контейнером является сознание в целом, и что за процессы в нем происходят с точки зрения наивно-языковых представлений о мире.

Сознание как контейнер заполняется некими моделями внешних объектов и отношений. Появление этих объектов-моделей описывается в терминах собственности и перемещения (= пути) в пространстве: *извне* — *внутри* контейнера-сознания: мы *получаем* информацию; *черпаем* ее *из* внешних источников, *узнаем* *от* друзей; *воспринимаем* сведения; *пополняем* впечатления и под. Интересно отметить, что семантические кальки, входящие в такие блок-модели, например *воспринимать*, не нарушают общей закономерности. Это понятно, поскольку язык заимствует и, тем более, калькирует только то, что соответствует его структуре и идеологии. Об общей тенденции наивно-языкового сознания описывать процессы получения информации в терминах собственности и перемещения в пространстве свидетельствуют и переносные обозначения типа *схватить*, *освоить*, *уловить* и под. Соответствующие каузативные глаголы также не нарушают общих наивных представле-

ний о способе формирования содержания сознания: мы передаем знания, делимся ими, иногда вбиваем, вдалбываем в голову, доводим до сведения и т.д.; в последних приведенных случаях весьма показательна семантика приставок и предлогов.

Итак, заполнение контейнера-сознания представляется нам именно как *заполнение*, как *получение* неких объектов извне, как *прием-передача*. Что представляют собой единицы содержания сознания, с наивно-языковой точки зрения, и что с ними происходит в самом контейнере-сознании? В соответствии с ЯКМ единицы сознания имеют двойственную природу. В языке отражено, что они есть нечто отличное от внешних по отношению к мыслящему субъекту явлений, несмотря на то, что их появление в ментальном пространстве описывается как физическое, пространственное поступление, передача. Указание на такое понимание специфичной природы объектов мышления содержится в первую очередь в том, что центральные обозначения мыслительных процессов, например, *думать*, *мыслить*, *соображать*, *рассуждать*, имеют делиберативное управление, использующееся в тех случаях, когда субъект имеет дело не непосредственно с объектом, а с его знаком, моделью (*думать о сестре*). Таким образом, недифференцированные обозначения мыслительных процессов, собственно „думания” характеризуют объект мышления как имеющий идеальную природу, отличный от объектов внешнего мира. То есть, в ЯКМ есть указание на то, что мышление — процесс, отличный от физических процессов, процессов перемещения и т.д. Об этом свидетельствует и то, что большинство таких глаголов мотивационно непрозрачны и не являются переносными обозначениями.

Совершенно иначе представлен в ЯКМ такой мыслительный процесс, как исследование. Исследование подразумевает, что мыслящий субъект понимает сущность производимого процесса (т.е. необходимо указание на применяемый исследовательский аппарат, ответ на вопрос „как?”). В большинстве случаев обозначения процессов исследования — это метафорические обозначения (*вникать*, *разбираться*, *распутывать*, *углубляться* или калька с греческого *исследовать*). Т.е. наивно-языковое сознание отмечает специфику мыслительных процессов, но, когда необходимо какое-то представление природы этих процессов, оно прибегает к метафорической ссылке на привычные, базисные физические или пространственные действия. При этом обозначения процессов исследования характеризуют объект действия иначе, чем глаголы с семантикой ‘думать’: разбираясь в вопросе, распутывая проблему, углубляясь в книгу, мы (в языковом смысле) обращаемся с ними

точно так же, как с некоей совокупностью предметов, или клубком, или пещерой. Имея в сознании-контейнере некие единицы-концепты, активный мыслящий субъект действует как внешний носитель воли и по отношению к этому виртуальному ментальному пространству с неопределенными границами, и к самим объектам, представление о которых изменяется в зависимости от действия, осуществляемого с ними. Субъект работает с пространством контейнера-сознания, преодолевает его, проходя некий путь, *приближаясь к решению проблемы, постигая сущность чего-л.*, в этом случае объект мышления представлен как удаленная точка-цель. И напротив, ментальное пространство в первую очередь конституируется объектами мышления, если мы мысленно *сопоставляем их, прикидываем, складываем, соотносим, вникаем в них, думаем над ними* или манипулируем ими каким-либо другим способом в сознании-контейнере, представляя внутреннему взору своего „я”. Мы можем мысленно *возвратиться* к какому-либо объекту, *перенестись куда-л. в мыслях* и под. — такие примеры бесконечны, и они подтверждают, что мышление в ЯКМ представлено как работа субъекта с виртуальным ментальным пространством и объектами мышления, конституирующими его. Это коррелирует с пространственными представлениями в мифологической модели мира, где роль и функция героя состоит в том, чтобы освоить пространство, упорядочить его, пройдя необходимый путь, превратить хаос в космос [*Мифы народов мира* 1992, 2: 340–342]. Творчество, созидание в наивно-языковой картине мира также представлено как работа с объектами сознания: глаголы творения мотивированы семантикой физического действия (*создавать, творить, разрабатывать, сочинять*). Мы можем долго *вынашивать идею, лелеять мысль*, прежде чем *сформируем* ее окончательно. Мы можем *выдумать что-л.*, т.е. извлечь из уже существующего содержания сознания нечто новое, *придумать*, т.е. прибавить нечто к уже имеющемуся мысленному багажу, *изобрести*, перемещаясь по пространству контейнера-сознания.

В наивно-языковой картине мира сознание, представляемое как контейнер, содержит еще один контейнер — память. При всей распространенности отождествлений сознания и памяти (см. ссылки выше), нет сомнения в том, что носители русского языка дифференцируют их. Доказательством этому служит, в первую очередь, лексикализованность концептов „сознание” и „память”, а также процессов мышления и запоминания/вспоминания. Кроме того, о том же свидетельствует возможность контекстов типа *Я вспомнил лица, увиденные накануне, и сопоставил с теми, которые видел сейчас*. В данном

случае один из объектов мыслительного процесса 'сопоставить' поступил в контейнер-сознание извне, а другой — изнутри, из внутреннего контейнера-памяти. Таким образом, сознание представляется нам местом, где осуществляется оперирование с некими ментальными единицами, а память — местом, где они могут храниться.

Описанная вкратце выше структура сознания, как она представлена в наивно-языковой картине мира, в общих чертах коррелирует с научным знанием о нем. В языке зафиксированы и функционируют как отдельные целостные лексико-семантические подсистемы такие сферы, как 'восприятие', 'мышление', 'память' и под., аналитически вычленяемые и исследуемые отдельно и в психологии. Иначе обстоит дело с концептосферой когнитивных процессов и состояний. Наивно-языковые представления об этих процессах совершенно не соответствуют их современным научным моделям, см., например, коннекционистские модели когнитивной деятельности [Фодор, Пылишин 1995]; в ЯКМ представление о мыслительной деятельности полностью базируется на метафорическом переосмыслении пространственно-физической деятельности.

Описанное выше наивно-языковое понимание сознания как вместилища, в котором „размещено” еще одно вместилище — память, вызывает аналогии с оперативной и долговременной памятью компьютера, однако в психологии долговременная и кратковременная память были аналитически разграничены задолго до появления вычислительных машин. Тем не менее сказанное напоминает о компьютерной метафоре — моделировании когнитивных процессов человека „по образу и подобию” компьютера. К компьютерной метафоре прибегают не только члены научных сообществ, но и рядовые носители языка последних поколений. В речи это проявляется в бесконечном количестве высказываний, начиная от патетически публицистического *наш естественный процессор* (о мозге человека) и заканчивая сленговым „Ну что ты глючишь?!” , причем такие высказывания продолжают появляться, т.е. компьютерная метафора вполне может претендовать на роль концептуальной.

Несмотря на вездесущность компьютерной метафоры при описании когнитивной деятельности, обратное воздействие несомненно: мы представляем и описываем операционные процессы вычислительных машин по образу и подобию когнитивной деятельности человека, а следовательно, „переносим” на них все наши наивно-языковые представления о функционировании собственного сознания, в частности, метафоризируем их в терминах пространственно-физических преобразований, бази-

сных для нашего понимания информационной деятельности. Наиболее яркое тому подтверждение — „компьютерный” жаргон, см. *загрузить в память, ввести информацию, выйти из программы* и под. Таким образом, генерация фрейма „компьютерные технологии” осуществлялась посредством использования всех имеющихся в распоряжении человека метафорических средств, в том числе путем метафоризации информационных процессов в терминах пространства, а, возникнув, названный фрейм стал воздействовать на уже имевшиеся концептуальные структуры посредством компьютерной метафоры.

Упомянутый компьютерный сленг и подъязык информационных технологий в целом — новый объект исследования для современной лингвистики. Материал для данной статьи взят из печатных изданий „Компьютерра”, „Инфобизнес”, „Компьютерные вести”, „Компьютерная газета”; словарей компьютерной и сетевой терминологии компаний „Формоза” (www.formoza.ru/tech_bred/dictionary), Cat Software (www.orc.ru/~catserv/glos/f_glos.htm), толкового словаря „Термины и жаргон Интернета” (sakura.chernovtsy.ua/guide/glossary.htm); „Словаря компьютерного сленга” Дениса Садошенко (Украина, Днепропетровск), распространяемого через HomeNet. На многочисленных примерах можно показать, что и сам этот подъязык, и когниция этой социальной группы подчинены более общим языковым и когнитивным законам. Это проявляется, в частности, в моделях метафоризации данной концептосферы: и сами эти модели, и их соотносительное употребление не уникальны. Процессам метафоризации в данной сфере, как и в языке в целом, свойственны переносы из давно освоенных понятийных сфер, от конкретного к абстрактному, разнообразные пространственные метафоры, антропоморфизация и под. Характерно, что платформой для генерации компьютерного жаргона служит не просто общенародный язык, а наивно-языковая картина мира в целом, содержащиеся в ней архетипические представления, отдельные концептосферы, мифологемы:

— *Когда Винда падает, желание можно загадывать?*

— *Можно, но исполняться глочно будет.*

Метафорой интересуются не только лингвисты, для работающих в других областях науки, в первую очередь в области искусственного интеллекта, это проблема приращения знания. Идея о том, что соотнесение разных областей знания и моделирование одной исследуемой сферы в терминах другой есть способ получения нового знания, в науке не нова и, пожалуй, наиболее отчетливо была сформулирована в рамках общей теории систем. Образование вероятностных межфреймовых отношений (чем и является концептуальная метафора) как путь к по-

лучению нового знания рассмотрено М. Минским [Минский 1988]. С тех же позиций интересуется сегодня нефилологов и языковая метафора.

В статье Ю. Филипповича *Информационные технологии в зеркале метафор* [Филиппович 2000: 25–27] представлены результаты исследования метафор в подязыке информационных технологий, проведенного путем компьютерного отбора и подсчета контекстов, относящихся к предметной области „информатика и вычислительная техника”. Материал сгруппирован по параметрам „метафорическая модель”, „предметная область использования” и обобщен в виде процентных диаграмм. Автор статьи — кандидат технических наук, т.е. не филолог, об этом свидетельствует, например, желание и умение посчитать (и умение разработать подходящий исследовательский аппарат); собственно в лингвистике же исследование текстов с применением современных информационных технологий (корпусная лингвистика) в стадии становления, и ее развитие можно наблюдать опять же в Интернете. В некоторых случаях трактовка Ю. Филипповичем метафоры, применение этого понятия к конкретным контекстам и способ рубрикации моделей вызывает вопросы, тем не менее „взгляд со стороны”, объем и качество проделанной работы — это то, на что можно опереться.

В соответствии с данными Ю. Филипповича, в лексике названной предметной областью первой по степени распространенности является метафорическая модель „человек”, т.е. антропоморфность ярко выражена и в подязыке информационных технологий. Субстанции, которым может быть приписано то или иное поведение, метафоризируются в терминах субстанций: программное обеспечение, компьютеры, периферия ведут себя как человек или животное (*капризничают*, „(не) пашут” и под.), соответственно, им приписываются признаки людей или животных (*производительный, упрямый, прозорливый* и под.). Иное дело сферы, основу которых составляет не субстанциональность, а функция, состояние, свойство: такие сферы метафоризируются при их генерации на основе несубстанциональных концептосфер, которые условно в общем можно обозначить как „(воз)действие”, „взаимодействие”, „состояние и его изменение”, „отношение”. Например, концептосфера „информационная деятельность и развитие информационных технологий” может трактоваться языком как война: *сервер подвергся мощной распределенной хакерской атаке, информационная безопасность* и под.

Рассмотрим подробнее, как моделируется в нашей картине мира, по данным подязыка информационных технологий, сфера Интернета.

И когнитивная система человека, и информационное пространство персонального компьютера представлены в русской наивно-языковой

картине мира как *вместилища*, контейнеры, где *каналами* связи (см. о метафоре „канал” [Лакофф, Джонсон 1990: 393–395]) с внешним миром служат в первом случае органы чувств и речь, а во втором случае компьютерная периферия (монитор, дисководы, модемные и сетевые устройства, сканер, принтер и под.). Выше уже отмечалось, что „контейнер” компьютера структурируется таким же образом, как и когнитивная система человека, на *память* (винчестер) и *мозги* (процессор): *несколько сотен мегабайт дискового пространства; нет места на диске; не хватает оперативной памяти*. Как когнитивная система, по данным языка, локализуется под черепной коробкой, но в то же время и не совсем в ней (см. *уйти в свои мысли, погрузиться в мир воспоминаний* и под.), так и виртуальное пространство компьютера хоть и расположено внутри железного кожуха системного диска, но не целиком находится там, как и произведение — за обложкой книги, как таинственная Нарния К. С. Льюиса — за дверью шкафа, а представляет собой иное измерение. Элементы этого вместилища-пространства (оно структурировано по разным параметрам) причудливым образом сочетают в себе черты и реальных, и виртуальных объектов: между ними возможно *передвижение скачками*, здесь можно *перетягивать понравившуюся страницу за ярлычок* или *перетащить ссылку с веб-страницы на панель ссылок*, здесь *отличный способ навигации по большим документам „Переход”* (название компьютерной программы)! — причем все названные действия наблюдаемы визуально на мониторе. С другой стороны, некоторый пространственный диссонанс вызывает *размещение виртуального офиса (в пределах физического)*: если мы что-то и увидим в этот момент на экране монитора, то вряд ли это хотя бы отдаленно напомнит офис.

Интернет в рамках пространственной метафоры — более сложный объект. Он метафоризируется как страна (*колеся по просторам Интернета*) или океан (*плохая навигация на сайте*), т.е. обширное пространство со сложной структурой и большим количеством разных мини-объектов. Здесь есть *удаленные пользователи* и у них есть *адреса* (*одно нажатие мыши — и вы отправляетесь по названному адресу*). Здесь возможно *размещение сайта на крупных мировых хостинговых площадках*, а за границей сайта есть *транзитные узлы, центры доступа* и много чего еще, причем, чтобы попасть в эти частные вместилища в рамках Интернета, нужно владеть *технологией доступа*. В языковой (и когнитивной) трактовке Интернета органично сплавлено виртуальное и реальное: *зачастую вы даже не будете знать, где физически (!) находится ваше виртуальное (!) представительство*.

Интернет — это не только виртуальные объекты, Интернет — „это именно множество сетей, связанных между собой каналами: проводными, оптоволоконными, радио. Ключевыми узлами структуры Интернета, кроме каналов связи, являются устройства, соединяющие эти каналы с локальными сетями или сами сети между собой и называемые маршрутизаторами” [Леонов 2000: 16]. (*Маршрутизатору не обязательно знать (!), что творится за пределами его владений*). Метафора „канал” чрезвычайно распространена по отношению к Интернету в подъязыке компьютерных технологий. В данном случае это научная метафора, полученная профессионалами в этой области (а ранее — теории информации) „в наследство” от наивно-языковой картины мира, т.е. естественного языка, где коммуникация трактуется именно как передача, канал связи [Лакофф, Джонсон 1990: 392–395]. Эта метафора сделала свое дело в формировании научных взглядов на передачу информации (ср. аналогичный случай с метафорой „свет — это волна”), „прижилась” по отношению к Интернету как подсистеме информационных технологий в целом, распространилась в соответствующем профессиональном подъязыке и, по-видимому, „готова” принимать активное участие в формировании наивно-языкового осмысления Интернета: *широкие каналы связи, пропускная способность канала, качать информацию*.

Метафора „канал” самым очевидным образом указывает на то, что Интернет трактуется не только и не столько как совокупность виртуальных объектов, сколько как перемещение в рамках виртуального пространства-вместилища. Следовательно, одной из метафор, используемых в рамках понимания Интернета как информационного пространства, является метафора „путь”. Как известно, путь-схема трактуется Дж. Лакоффом как одна из немногих возможных базисных имидж-схем наряду с упомянутой выше контейнер-схемой [Лакофф 1995]; пожалуй, ни одна концептосфера абстрактного знания не обходится без этой метафоры: любое развитие, или поиск, или способ — это путь, любые причинно-следственные отношения или отношения вывода — это путь, любой выбор — это распутье.

В Интернете путь может осуществляться передаваемыми данными, информацией по каналам связи: *Интернет — универсальное средство транспортировки; семь верст — не крюк* (название раздела в статье о передаче данных в Интернете); *данные (не) проходят; маршрутизация трафика*. В рамках этой метафоры реализуется еще одна: „информация — это пакет или письмо”. В Интернете есть *почта, письма (не) доходят до адресатов, пакеты перенаправляются, передаются по эстафете,*

им обеспечивают правильное направление, а ИВС даже приклеивает к пакету данных служебные поля (аналогия с приклеиванием марки).

Помимо информации в Интернете передвигаются также пользователи, вернее, их виртуальные ипостаси. Их пути в Интернете неисповедимы: от магистральных линий до запутанных дебрей, в которых сложно сориентироваться. Они неустанно ищут нужную информацию или бесцельно бродят по просторам Сети. Их заветное пожелание — *Удачи в мире поиска в информационном киберпространстве!*

Литература

- Апресян Юрий Д., *Образ человека по данным языка: попытка системного описания*, „Вопросы языкознания”, 1995, №1.
- Арутюнова Нина Д., *Аномалии и язык (к проблеме языковой „картины мира”)*, „Вопросы языкознания”, 1987, №3.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д., *Языковая концептуализация мира*, М., 1997.
- Галустян Р. Г., *Лингвистическая картина мира*, Ереван, 1989.
- Дмитровская М. А., *Философия памяти*, [В:] *Логический анализ языка. Культурные концепты*, М., 1991.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., *Славянские языковые моделирующие семиотические системы*, М., 1965.
- Кубрякова Е. С., *Об одном фрагменте концептуального анализа слова память*, [В:] *Логический анализ языка. Культурные концепты*, М., 1991.
- Кустова Г. И., *Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений*, [В:] „Вопросы языкознания”, 2000, №4.
- Лакофф Дж., *Когнитивная семантика*, [В:] *Язык и интеллект*, М., 1995.
- Лакофф Дж., Джонсон М., *Метафоры, которыми мы живем*, [В:] *Теория метафоры*, М., 1990. С. 387–415.
- Леонов С., *Форма или содержание*, „Инфобизнес”, 2000, №14 (116).
- Лещева Л. М., *Метафора: номинация, когниция, эмоция*, *Материалы докладов Международной научной конференции „От слова к тексту”*, Минск, 13–14 ноября 2000 г. В 3 ч. Ч.1. С.36–37.
- Лихачев Дмитрий С., *Концептосфера русского языка*, Изв. АН. Серия литературы и языка, 1993, т. 52, №1.
- Маковский М. М., *„Картина мира” и миры образов (лингвокультурологические этюды)*. 1. *Слово как мифопоэтическое понятие* „Вопросы языкознания”, 1992, №6.
- Минский М., *Остроумие и логика когнитивного бессознательного, Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка, М., 1988. С. 281–309.
- Мифы народов мира*. Т.2. М.: Советская энциклопедия, 1992.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира*, М., 1988.
- Топорова Т. В., *Семантическая структура древнегерманской модели мира*, М., 1994.
- Туровский В. В., *Память в наивной картине мира: забыть, вспомнить, помнить*, [В:] *Логический анализ языка. Культурные концепты*, М., 1991.

- Филиппович Ю. Н., *Информационные технологии в зеркале метафор*, Компьютерра. 2000. №26(355).
- Фодор Дж., Пылишин Э., *Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор*, [В:] *Язык и интеллект*, М., 1995.
- Цивьян Татьяна В., *Лингвистические основы балканской модели мира*, М., 1990.
- Яковлева Е. С., *Фрагменты русской языковой картины мира*, М., 1994.
- D'Anrade R., *A folk model of the mind*, [В:] *Cultural Models in Language and Thought*, Cambridge, 1987.
- Jackendoff R., *Semantic Structures*, Cambridge, 1990.
- Lakoff G., Johnson M., *Metaphors We Live By*, Chicago, 1980
- Martynov V., *Universal Semantic Code: USC-5*, Minsk, 1995.

SPATIAL METAPHORS IN DESCRIPTIONS OF HUMAN COGNITIVE ACTIVITY

The article deals with the portion of linguistic worldview concerning consciousness and cognitive activity (the processes of thinking and remembering). Consciousness in the linguistic worldview is presented as a 'container' in which there is another 'container', i.e. memory. Although consciousness and memory are usually considered as the same, the article shows that speakers of Russian distinguish them in precisely that way: consciousness is the place where one manipulates certain mental units, whereas memory as a place where they can be stored. This structure of consciousness, reflected in the naive linguistic worldview generally correlates with the scientific knowledge about consciousness. The case of the conceptual sphere of cognitive states and processes is different: the linguistic worldview radically differs from modern scientific models. The modelling of human cognitive processes takes place according to the "computer model" and vice versa: we imagine and describe computer processes according to the patterns of human cognitive activities. Thus, we transfer all our linguistic ideas of human consciousness onto the domain of computers. The human cognitive system and the processing space of the computer are both presented in the Russian naive linguistic worldview as containers, connected to the outside world by means of the channels of the sense organs and speech in the former case and computer peripheral devices in the latter (the monitor, printer, scanner, etc). The 'container' of the computer has the structure analogous to that of the human cognitive system, i.e. memory (vinchester) and the brain (the processor).

The author then passes on to the sphere of the Internet, which in contrast to the human cognitive system and the processing space of the PC, is understood in a more sophisticated manner. It is captured by means of the metaphor of a 'country' (travelling through the Internet), an 'ocean' (bad navigation on the site), i.e. as a wide space of a complex structure, with a great number of small objects. It can also be captured by means of the 'road' metaphor.